

Андрей Посняков

В
а
р
в
а
р

Зов крови

Андрей Посняков

Зов крови

Серия «Ведунская серия (АСТ)»

Серия «Ведунская серия (АСТ)»

предоставлено правообладателем

<https://litres.ru/19436431>

Андрей ПОСНЯКОВ «Варвар. Зов крови». Серия «Ведунская серия».

Литературно-художественное издание: Издательство АСТ.

Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-097568-6

Аннотация

<p>Миронов, в пятом веке – от южнорусских степей до Галлии – известный как князь Радомир, вынужден вновь вернуться в прошлое. Их род, их селения постигла злая участь – страшная эпидемия чумы, пришедшая с запада вместе с уходящими гуннами. Болезнь не щадит никого, и только князь и княгиня, как сакральные символы рода, могут остановить черную смерть, источник которой – проклятье Атиллы. Мертвый, он так же страшен, как и живой. Венец бургундов, дающий власть, тот, что правитель гуннов давно искал и обрел лишь перед самой смертью, необходимо вернуть, положить в его могилу... которую еще нужно отыскать.**</p>** **<p>**А чума свирепствует все сильнее, уже вымерла большая часть рода и некому хоронить умерших. Вся

округа, леса, поля и степи дышат ужасной смертью, спасение от которой – в руках Радомира и бургундской девы Хильды.</p>

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Посняков

Варвар

Зов крови

Глава 1

Лето. Где-то на юге России

Станица

«Привет участникам двадцать седьмого слета юных туристов» – растянутый кумачовый лозунг пожаром ударил в глаза. Рад зажмурился, потряс головой – исчезнет ли морок? Нет, не исчезал – все так же краснел на фоне светлого неба растянутый меж двумя березами баннер. «Привет...»

– Привет, привет, – довольно усмехнулся молодой человек.

Как ни странно, но особой радости он почему-то не чувствовал – душа не пела и сердце не ёкало, не рвалось из груди, и не хотелось обнять небо. Может быть, потому что все же еще не до конца верилось. Может быть, опять промахнулся, как в прошлый раз, когда, вернувшись из середины пятого века вовсе не в свое время, а в тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год, да еще не в свой мир, а в какой-то параллель-

ный, где Лаврентий Павлович Берия вовсе не расстрелян, не враг народа и не английский шпион, а наоборот, – достойный член правительства, первый заместитель Маленкова. От этого, кстати, жизнь советских людей вовсе не ухудшилась, а даже лучше стала.

Рад, Родион, Радик... Радомир, как называли его там... в пятом веке, где Рад, в общем-то, оказался случайно, провалившись в болотную жижу во время таких же соревнований. Таких же... Этих же? Может, сюда же и вернулся? Может, его даже и искать не начали? Вроде как утро еще раннее, с ночного ориентирования далеко не все прибежали.

Молодой человек снова зажмурился: а вдруг все, что с ним случилось – сон? Как в старом фильме – упал, потерял сознание, очнулся – гипс. То есть не гипс – середина пятого века от Рождества Христова. Селение словен – они же клавины, анты – соседи готы... Еще и гунны, гепиды, военный поход, Атила... слава Господу, уже мертвый. Хильда... Конечно же – Хильда! Неужели и она привиделась? Законная венчанная супруга – юная готская дева (по отцу, как выяснилось, бургундка), голубоглазая красавица с длинными, цвета белого золота, волосами. Ее Родион видел в снах... как и она его. Еще до встречи. Так что же, действительно все привиделось? И не было ничего: ни великих битв, ни отчаянных схваток, ни верных друзей, ни Влекумера-жреца, ни... ни даже пятьдесят восьмого года с бежевой «Победой», на которой, кстати, и ушли... ушли в прошлое, а потом вырвались...

Вот сейчас вот вырвались... наверное. Если было все... Радик вовсе не ощущал себя сейчас почти былинным героем и вождем – князем! – Радомиром, чье имя и чью судьбу столь удачно примерил. Он был сейчас тем, кем и являлся – молодым двадцатилетним парнем, заядлым туристом, шофером, недавно отслужившим в армии и приехавшим на туристский слет. Друзей посмотреть, себя показать. А тут какое-то болото... Вон, до сих пор вся одежда в тине!

Одежда?

Заляпанные в густо-зеленой болотной жиже штаны, узкие, шерстяные, поверх которых – кожаная оплетка обуви... Темно-зеленая рубаха, длинная и тяжелая, богато расшитая по вороту, манжетам и подолу, пояс... Обтянутые зеленым сафьяном ножны на перевязи, а в них – меч! Ну, конечно же – меч! Верный клинок по имени «Гром Победы», подарок названного братца Истра. Очень хороший меч, выполненный из нескольких видов металла, закаленный, с проступающим из глубины клинка, если подышать, рисунком... Гибкий, прочный, с углублением – долом – для крепости и легкости, а вовсе не для стока крови, как почему-то многие думают. Гарды, по сути, нет, лишь полукружье, зато щедро украшенная золотом рукоять. Цены такому мечу нет, оружие доброе, даже больше, чем оружие – друг! Гром Победы.

Вытащив клинок, Родион – князь Радомир! – поцеловал оружие и, убрав его обратно в ножны, обернулся на крик.

– Радо-м-и-и-и-ир! Ты где, милый? – Кричала-звала

Хильда, красавица жена, любимая, ради которой... Господи, как хорошо, что все было! Есть...

– Я здесь, любя. Сейчас иду.

Оглянувшись на баннер, молодой человек быстро зашагал к болоту, где, за кустами, виднелась бежевая «Победа». На ней и ушли, а иначе – только с кровью. Как объяснял жрец Влекумер – та еще сволочуга! – переход требовал жертвы, крови. Человеческой, разумеется. А на хорошей скорости можно было уйти и так. Как вот они и ушли. Ушли... Наконец-то!

– Ах, ты ж моя краса! – подбежав, Рад обхватил супругу, поднял на руки, крепко целуя в губы.

– О, мой князь... – Хильда обняла мужа за шею. Так вот, вместе, они и повалились в траву, мягкую и густую, напоенную сладким запахом клевера и терпкостью растущих рядом кустов. Смородина, дрок, бузина? А может, малина?

– Родная моя...

Покрывая поцелуями нежную шею любимой, молодой человек снял с нее пояс, а затем и тунику... верхнюю... нижнюю... Тут же сбросил и свою, в траву, рядом, накрыл губами трепетную и упругую женскую грудь, утонул в голубых глазах, словно в озере... в море, в океане, провалился в сладострастную негу, из которой не хотелось выходить никогда, никогда, никогда...

Гибкие загорелые тела сплетались в густой зелени трав, в синем высоком небе радостно пели птицы... туда же улета-

ли и души влюбленных, кружили над напоенной утренним солнцем землею, поднимаясь все выше и выше.

– Ах, – сладостно застонала Хильда, Радомир тоже выкрикнул что-то... непонятно, что... то ли крик, то ли стон...

Где-то рядом, в кустарнике, кто закашлялся. Потом громко чихнул.

В изнеможении раскинув в траве руки, красавица тихонько засмеялась. Рад же, вздрогнув, приподнялся на локте:

– Кто здесь?

– Туристы мы...

– Будьте здоровы.

– Вы бы это... – в кустах явно замялись, не зная, как и сказать.

Голос-то явно принадлежал человеку пожилому и, верно, тактичному, совестливому...

– У нас тут соревнования... Гать...

– А, гать! – Родион поспешно натянул одежду, похоже, мужичка-то этого он знал. – Так и мы тоже – туристы. У Валентиныча...

Михаил Валентиныч – он же просто Валентиныч, или совсем уж по-простому – дядя Миша – и был капитаном команды.

Одевшись, молодой человек шепнул: «Подожди, милая» – и быстро зашагал к кустам, за которыми виднелась недавно выкопанная траншея с положенными поперек нее бревнами и вдоль – жердинами – туристская полоса препятствия, име-

нуемая «гать».

А седенький, в синем спортивном костюме, мужичок, был на этом этапе судьей и вот, видать, ждал команду. Как же его, блин... Олег Константинович? Или Константин Олегович?

– Здравсте, Олег Константинович!

– Константин Олегович. Здоров, брат! – мужичок протянул руку, сухую и жилистую, и несколько сконфуженно хмыкнул: – С женой тут или...так?

– С женой.

– Вот и славно.

– Константин Олегович, а я вас с Калуги помню. Шесть лет назад... я там еще с дерева в лужу упал – вот смеху было!

– Калуга? – судья прищурился. – Ну, как же, помню, помню... Только, кажется, там с дерева-то Радик падал, тоже из Валентиныча команды паренек. Ты на него, кстати, похож чем-то... немного, но... Есть что-то общее. Часом не родственник? Кстати, как Радик-то, навещаете его?

Молодой человек прикрыл глаза, стараясь не показать удивления – он пока еще не понимал, о чем идет речь. А потому дальше беседу продолжал осторожненько – навещаем, мол...

Навещаем... Интересно только – где? Что, они ему тут могилку уже успели выкопать? Рядом вот, на болоте.

– Да-а, – Константин Олегович сочувственно почмокал губами. – Вот уж не повезло парню, в такую жару – в больнице лежать. Как у него нога-то? Заживает? Правду говорят

– перелом?

– Похоже на то, – озабоченно протянул Радик. – Мы вот с женой как раз сегодня его навестить собрались. Блин... не помню, сколько до райцентра примерно.

– Да километров двадцать, – охотно подсказал судья. – Вовку Михалыча из Чудского знаешь?

– Ну да! – вспомнив, радостно закивал молодой человек. – Длинный такой, с усами... Мы с ним года три назад за пивом ездили, в Марий Эл.

– Помню я Марий Эл, – собеседник улыбнулся. – Хорошо тогда провели все, и, главное, с погодой повезло.

– Машина-то у него та же – старый джип? Красная такая...

– Она. Новой еще не купил, говорит – и на этой неплохо, – судья вдруг замолчал и прислушался. – Ага, бегут уже.

– Ну, не буду мешать. Приятно поболтать было. Бывайте, Константин Олегович.

– И тебе того же. Радику привет.

Родион уже отошел на десяток шагов, когда Константин Олегович его окликнул:

– Вы это, поторопитесь с супругой своей – Вовка-то уже сейчас выезжает.

– Спасибо! А он по какой дороге?

– Да тут, недалече, – судья показал рукой. – Вон, по той тропке выйдете. Ой... – Вот только сейчас собеседник обратил внимание на странный наряд Рада. – Ты чего это так...

– А-а-а... к художке готовимся! Конкурс художественной

самодетельности в этом году – точно выиграем!

Константин Олегович хмыкнул:

– Ну, судя по костюмам – да. Это у вас национальный?

– Гм... можно сказать и так.

– Марийцы тоже в национальных, и эти, с Урала...

– «Кубинцы», что ли?

– Они.

Вообще-то, местечко называлась «Сива» – то ли городок, то ли поселок городского типа. Сива... Но все почему-то читали его по-латыни – Куба. Вот и прозвали тамошних туристов «кубинцами».

– А марийцы еще и бога своего с собой привезли, – крикнул вдогонку судья. – Целого идола. Вчера ему целую ночь молились, коньяком поили... Так что еще как посмотреть, кто завтра художку выиграет!

Оставив Хильду присматривать за «Победой», Родион пустился по указанной тропке бегом. Оно, конечно, можно было бы, и на «своей» машине съездить, да вдруг гаишники? Покажите-ка, мол, документики? А где документики? В «Победе», вестимо... техпаспорт... в пятьдесят четвертом году выданный. И владелец – МТС, вовсе не компания сотовой связи, а машинно-тракторная станция. Тем более, раз уж тут такая оказия – джип. Да и за супругу можно было не волноваться – что ей тут делается-то? Местные сюда, к болоту, не ходят, а туристы – народ незлобивый, мирный.

– Только ты побыстрее, милый, – прощаясь, крикнула Хильда.

– Постараюсь. А ты не скучай, можешь даже вздремнуть пока.

– Милый... – Юная супруга вскинула брови. – А мы... мы там, где надо? В твоём племени? Не как в прошлый раз?

– Вот это-то я и хочу выяснить.

Кроме усатого и длинного Вовки Михалыча, в красном джипе еще уместилось двое парней и девушка, ну и Родиона взяли, едва стоило рукой махнуть.

– В райцентр?

– Туда.

– Радика навестить не подбросите?

– Мы и сами навестим, только потом к друзьям уедем, а в лагерь только завтра вернемся.

– Ничего. Уж до лагеря я как-нибудь доберусь – попутки ходят.

Молодой человек уселся на заднее сиденье, рядом с рыжей девицей в короткой – выше некуда – юбке:

– Ничего, не жаждал?

– Сиди, сиди... Ты чего в таком прикиде-то?

– Художку репетировали. А сказали – Михалыч в райцентр едет, я и побежал... некогда было и переодеться.

– Да уж подождали бы, ладно, – обернулся из-за руля владелец джипа. – Прикид, конечно, да... Местные точно за артиста примут. Все девки твои, верно, Аллочка?

Рыжеволосая Аллочка томно засмеялась, едва не подавившись жвачкой – машину как раз тряхнуло на какой-то коряге.

– Ничего, ничего... – Родион тут же похлопал закашлявшуюся девушку по спине.

Аллочка благодарно кивнула:

– Спасибо.

И посмотрела на молодого человека уже более пристально:

– Тебя как звать-то?

– Ра... Роман.

– Ты, Ромик, на Радьку чем-то похож. Ну, ведь похож, верно?

Тут уже на Радомира выпялились и остальные, что молодого человека отнюдь не порадовало, хоть, конечно, его случайные попутчики вовсе не были древними людьми, подмечавшими все. Уж тех-то в подобных случаях не обманешь!

– Похож, да, – обернувшись, согласно кивнул сидевший на переднем сиденье парень, которого Рад видел и раньше, только вот, как зовут, не помнил. То ли Толик, то ли Шурик...

Рыженькая Аллочка хлопнула в ладоши:

– Вот! И Толик, заметил. Ага, значит, Толик все-таки...

Девушка снова повернулась к Раду:

– Только ты, Ромик, конечно, повыше, в плечах шире... такой основательный, крепкий! Радьке до тебя далеко...

Но... вот бороду тебе сбрить, да подстричься – похожи будете очень. Лица у вас у обоих такие... запоминающиеся. Только Радик, он более такой, наивный, что ли... Хотя и в армии успел послужить. Ой, как мы с ним три года назад зажигали! В Хосте, помните?

– И не в Хосте, а в Каньоне Дьявола, рядом с колхозом «Красный рассвет», – тут же поправил Рад.

– О, и ты там был? Что-то я тебя сразу не вспомнила!

Зато Родион вспомнил. Действительно, с этой вот рыжеволосой Аллочкой они и зажигали на дискотеке под открытым небом. Правда, дискотека не долго длилась – гром загремел, затем – ливень. Целовались уже в палатке, а до большего дело не дошло – слишком уж кругомлюдно было. Только вот эта Аллочка тогда блондинкой была... крашеной. И стрижка – в каре, а не как сейчас – по плечам волосы. Трудно узнать.

– Как хоть Радик-то не уберется? Ну, зачем он в это поганое болото полез? А там еще и яма, овраг...

– Наверное, путь хотел срезать.

– Вот и срезал. Теперь остаток лета – коту под хвост.

– Ничего, парень он молодой, крепкий. Быстро восстановится, еще в следующем году всех нас в «личке» сделает.

– А вот это – запросто!

По радио звучал какой-то сопливо гнусный шансон – никакой другой музыки местные FM-станции почему-то не передавали. По обеим сторонам шоссе проносились бескрай-

ние поля, засеянные желтым подсолнухом и кукурузой. Кое-где поля прерывались бахчами, и тогда в открытые окна джипа врывался сладкий аромат дынь и арбузов. Пригревало солнышко, но еще не пекло. Шеренгами стоявшие вдоль дороги тополя приветливо шевелили кронами.

– Вон станица, – водитель кивнул на поворотку. – Говорят, когда-то и там больница была. Года два назад сократили.

– Какой-нибудь «Газпром» лучше бы сократили, – угрюмо буркнул Толик. – Или «Роснано»... Рос-пилнано... Вот как людям без больницы жить? Станица-то не маленькая, тысяча семь. Да еще хутора, деревни? А там ведь одни старики, где им до райцентра добраться.

– Хорошо хоть дорога есть.

– Да, дорога хорошая.

В этот момент позади раздался вдруг утробный рев сигнала, и мимо красного джипа Вовика Михалыча промчался черный лаковый внедорожник «Тойота – Лэнд Круизер».

– Вот сволота! – покачал головой Михалыч. – Я сто двадцать иду, а они... все сто пятьдесят. И куда так нестись?

– Главное – зачем? Ведь тут и торговцы на обочинах, и детишки на велосипедах.

– А давайте остановимся, чего-нибудь купим.

– Нет уж! – решительно возразил водитель. – Помню я, как по приезде коньяк купили. Так же вот, на обочине. Так я с того чертова коньяка... Так что терпите до магазина, девочки!

Впереди уже показался райцентр, приехали – стандартные пятиэтажные домики времен брежневского социализма сменились сталинским псевдоклассицизмом с обсыпавшейся от времени штукатуркой.

– Районная администрация, – тоном профессионального экскурсовода пояснил Михалыч. – Бывший райком партии. Вон, еще и Ленин с протянутой рукой стоит, видите?

– Ой, точно!

– Где? Где Ленин?

– Проехали уже, Аллочка. Сейчас и больница.

Районный стационар располагался рядом с администрацией, на углу двух широких, усаженных разлапистыми каштанами, улиц. Высокий глухой забор, выкрашенный светло-желтой краской, распахнутые настежь ворота, за которыми виднелись обшарпанные от времени – тоже в сталинском стиле – постройки, как видно – отделения различного профиля. Главное же – административное – здание было новым, трехэтажным, из стекла и бетона. Этаким местный модерн.

Выйдя из джипа, туристы прикупили в приткнувшемся напротив регистратуры киоске синие бахилы и, натянув их на ноги, дружной толпой завалились в палату, благо идти было недалеко – травматологическое отделение располагалось здесь же, на втором этаже.

– Можно? – первой в палату заглянула Аллочка. И тут же обернулась. – Заходим, ребята! Не спит.

Сглотнув образовавшийся в горле ком, Рад вошел послед-

ним, скромненько встав за спинами посетителей. Глянул на лежавшего на койке парня с забинтованной ногой...

Словно в зеркало посмотрел.

Сомнений никаких не осталось. Он!

Точно – Миронов Родион Даниилович, каким был и сам Радомир года два-три назад. Молодой, только что отслуживший в армии парень, подтянутый, крепкий, однако вовсе не такой мускулистый и сильный, как сейчас Рад. А помаши-ка мечом да секирой! Не такие еще мускулы нарастишь!

А в остальном все то же – одно лицо. Светлые, волной, волосы, карие глаза...

– А ты неплохо выглядишь, Радик. Нет, в самом деле неплохо! – присев на край койки, неумолчно щебетала Аллочка. – Короче, мы тут тебе кое-что принесли – как бы фрукты...

– Лучше как бы пивка притаранили, – ухмыльнулся больной.

Вовик с Толиком переглянулись и дружно хмыкнули:

– Уже! Вон, в пакетике четыре банки. Мы его под койку поставим. Врачи-то не отберут?

– Хэ! Пусть только попробуют.

Он! Он! Испытав недюжинный шок, Радомир осторожно покинул палату. Встал, опершись спиной о стену длинного коридора, вытер рукавом выступивший на лбу пот.

Странно все получалось. Он, Родион – вот, здесь стоит, у стены. А кто же тогда там, в палате? Тоже он? Получается,

что так. Выходит, что тот лежащий с загипсованной ногой парень – и есть истинный Радик Миронов! Именно так все и считают, да и он сам... Спрашивается, а кто же тогда Радомир? Отражение, фантом, морок? Или, по-модному говоря – аватар?

Аватар, блин... Может, лучше сказать, тот, кто там в палате лежит – аватар? Да нет, пожалуй.

И что теперь делать?

Снова утерев пот, молодой человек опустился на стоявшую у стены лавку и неожиданно для себя улыбнулся. Ну, подумаешь – аватар?! И что с того? Что плохого, если вместо одного Радика Миронова будет два? Один – в палате со сломанной ногой, второй – прибыл в это время с женой Хильдой. И пусть до какого-то момента у них была одна и та же жизнь, одна и та же судьба... Пусть! А теперь жизнь и судьба у них разная!

И что с того? А ничего. Ничего плохого, наоборот – время-то значит именно то, что надо! Его, Рада, эпоха, в том никаких сомнений. Родной дом, куда так стремился. И пусть место в нем занято, но... можно присмотреть другое! Легализоваться – слава богу, не пятьдесят восьмой год, уж если там получилось... почти получилось... то здесь и подавно удастся! Справить документы – за деньги сейчас все можно, а деньги – дело наживное. Устроиться водителем или в авто-сервис – руки на месте, да и голова тоже. Из князей в шоферы? А почему бы и нет, раз уж так вышло?

Ничего, постепенно все наладится, и можно будет с Хильдой жить-поживать, тем более, готскую красавицу современная техника ничуть не пугала. Испугаешь ее, как же! Самого Аттилу не боялась, а уж тот-то был страшен, как тысячи гаджетов, вместе взятые. Да и в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году побывала, ко многому попривыкла...

– Ой, Ромик! Ты тут уже? – выйдя из палаты вместе со всеми, воскликнула Аллочка. – Нас ждешь?

Молодой человек с улыбкой пожал плечами:

– Да нет, вы же все равно до завтра в городе остаетесь.

– Что ж ты с Радькой-то...

– Так вот сейчас и зайду. Пообщаюсь подольше. Думаю – чего вам мешать?

– А-а-а...

– Спасибо, Михалыч, – подвез.

– Да ла-адно!

Простившись с туристами, Радомир еще некоторое время посидел на лавке, после чего в задумчивости спустился во двор. Новую жизнь им с Хильдой нужно было с чего-то начать. Нужны были деньги – хотя бы небольшие на первое время – шмотки, жилье... Ну, и само собой – документы, но это уже чуть позже.

Все будет! Родион был в этом уверен. И столь же уверенно посмотрел в небо, щурясь от яркого солнца.

– Ах, черт... – кто-то выругался рядом.

Молодой человек скосил глаза на возившегося со старой

белой «четверкой» парня лет двадцати пяти в смешных старорежимных очках и светлой рубашке с закатанными рукавами. Худой, чуть сутулый шатен с вытянутым интеллигентным лицом, в общем-то, вполне приятным, но вовсе не из тех, что так нравятся женщинам. Им вообще редко нравятся такие вот астеничные – не от мира сего – очкарики.

– Черт! – парень снова выругался, затем, забравшись в кабину, с третьей попытки запустил двигатель, который почти сразу же и заглох.

Родион подошел ближе:

– А движок-то у вас троит!

– Что? – парень дернул головой.

Ну, точно, не от мира сего! Типичный интеллигент, можно сказать, рафинированный.

– Двигатель, говорю, троит, вот что. Свечки менять не пробовали?

– Свечки? Ах да... у меня есть запасные. Только вот я не... – Очкарик заметно смутился и сконфуженно заморгал.

– Так давайте, я помогу. Свечник у вас есть? Интеллигент еще больше сконфузился, замямлил:

– Вы знаете...

– Так вон, у мужиков со «скорой» спросите. – Родион кивнул на только что въехавшую во двор белую с красными крестами «Газель». – Может, у них есть?

– У Петровича? – явно обрадовался очкарик. – Да, у него должен быть.

Тут же и побежал, бросился, замахал руками:

– Иван Петрович! Петрович, эй!

Замена свечей зажигания ничего не дала – двигатель как троил, так и троил себе.

– Значит, не свечи, – глубокомысленно изрек Радик. – Подайте-ка отвертку да ключики... Трамблер посмотрю. Сейчас вот, сниму крышечку... Здесь подержите... Ага... Ну, точно трамблер! У вас тут уже почти все развалилось... Ничего, сейчас подправим, подчистим... Ну, вот... Заводите!

Двигатель довольно заурчал, и узкое лицо очкарика озарила радостная улыбка.

– Но новый трамблер все равно купите, – возвращая хозяину инструмент, посоветовал Родион.

– Да-да-да, обязательно, у нас в станице как раз автомагазин открылся. – Интеллигент засуетился, забежал вокруг машины, судя по виду, выпущенной где-то в конце девяностых. – Не знаю даже, как вас и благодарить...

– А вы сейчас обратно в станицу поедете? – пытливо осведомился Рад. – Подкинули б меня до лесополосы, у нас там соревнования.

– А-а-а! – очкарик во весь рот улыбнулся. – Так вы турист. То-то я и смотрю – одежда у вас такая... старинная.

– В художественной самодеятельности участвую, от нашей команды, – забираясь в салон, скромно пояснил молодой человек.

Прибавив газу, новый знакомый Родиона выехал со двора

и ходко покатыл по тенистой улице.

– А можно, я окно побольше открою? – приняхавшись, попросил Рад. – А-то пахнет у вас... какой-то больницей.

– Больницей и пахнет! – покивал очкарик. – Вон у меня на заднем сиденье – и лекарства, и карболка, и бинты, даже хлорки мешок имеется!

Все это он перечислил таким тоном, словно бы даже хвастался.

– Нам бы еще пару капельниц да одноразовых шприцов коробку.

– А-а-а!!! – Родион хлопнул себя по лбу. – Так вы – врач?!

– Врач, – улыбнулся собеседник. – Точно по Чехову – сельский доктор. Поликлиника в станице у нас... небольшая, скорее, разросшийся ФАП.

– Что, извините, разросшийся?

– ФАП – фельдшерско-акушерский пункт, раньше-то и поликлиника была, и даже стационар... Все закрыли! Хорошо хоть койки дневного пребывания оставили, а то бы совсем – ложись да помирай.

Радомир посмотрел на собеседника с нескрываемым уважением: вот тебе и «чайник» в очках. Врач! Доктор. Да еще на селе, где каждый медицинский работник – и швец, и жнец, и на дуде игрец.

– Все так, как вы говорите, – расхохотался врач. – Я вообще-то инфекционист по специализации, а приходится и за терапевта, и за педиатра, и за травматолога. Ну, еще и заве-

дующим- по совместительству. Два фельдшера у меня, четыре медсестры, санитарки, рентгенолог даже – пенсионер, но еще бодрый. Сейчас вот один фельдшер на курсах, другой – в отпуске, уж приходится покрутиться. Хотя, с другой стороны – и лето сейчас, народ меньше болеет... Ох, ты черт!

На одной из ям, из которых, собственно говоря, и состояла улица, машину сильно тряхнуло, так, что пассажир едва не ударился лбом о лобовое стекло.

«Идет охота на волков, идет охота, – хрипло запели динамики в автомобиле. – На серых хищников – матерых и щенков».

– О! Магнитола заработала, – обрадовался врач. – Вас, кстати, как зовут?

– Родион.

– А меня – Юрий... и, давайте на «ты», мы ведь вроде ровесники?

– Ну да, ну да, – охотно согласился Рад и, покосившись на магнитола, спросил: – Смотрю, Высоцкого любите... любишь?

– Да уж. Отец его очень любил, ну и я вот слушаю. А вам... тебе не нравится?

– Очень даже нравится.

– И мне... Черт!!!

Доктор Юра снова выругался, на этот раз уже не из-за ям. Вылетевший слева черный «Лэнд Круизер», нахально подрезав докторскую «четверку», скрылся в каком-то дворе.

– И где только гаишники в этом городе? – все-таки ударившись о лобовое стекло, посетовал Рад. – Хотя, вообще-то, сам виноват, надо бы пристегнуться... Ой, ремень-то у тебя, Юрий...

– Да ты просто накинь... А гаишники этот джип не оставят – боятся. Теневая станичная власть, – доктор с видимым раздражением покривил губы. – Даже не теневая – просто власть, другой там, похоже, и нет.

– Бандиты, что ли?

– Можно и так сказать. А глава местной администрации у них за главного.

– Ага... пахан, значит.

– Тебе смешно, а по ночам в станице полный беспредел творится. Лучше на улицу не выходить... Ну, меня-то не трогают – врач все-таки, а вот молодежь... И как они еще в этот клуб ходят?

– Да уж, да уж, – поддержал беседу пассажир. – Беспредел – это уж совсем худо. Юрий пожал плечами:

– Ну, может, я и сгущаю краски. Вообще-то здесь у нас хорошо, раздолье. Речка, сады... фрукты. Чего только нет! Персики, абрикосы, вишни... И все, смею заметить, довольно дешево, уж куда дешевле, чем в городке. Ты-то сам откуда к нам?

– Издалека, с севера. Не один, с супругой вдвоем приехал. Думали – сначала на слет, а потом задержимся на недельку-другую – фруктов вволю поесть.

– Так и задержались бы, – усмехнулся врач. – А что? Или я тебя бандитами застрашал? Так вы ж в клуб на танцы не попретесь?

– Не, – Родион вздохнул. – На танцы – уж точно. Мы б и остались, да вот незадача – сумки с вещами в пути сперли. На заправке, скорее всего. А может, когда в речке купались. Машина у нас старая, можно сказать, антиквариат – «Победа»!

– Ого!

– Вещей-то не жалко, черт с ними, да и денег не так уж и много было. Вот документы...

– Так вы в полицию обратитесь. Так, на всякий случай.

– Обратились уже. Даже заявление написали – обещал помочь. Правда, дежурный предупредил, что быстро не будет. Неделя, может, и две... Не в вашей области дело-то было. Вот и ждем.

Доктор покачал головой:

– Две недели! Это чего ж так долго-то?

– Бюрократизм!

– Это не бюрократизм, это головотяпство со взломом какое-то! Две недели человеку ждать, пока вещи найдут!

– Говорю ж – в соседнем районе.

Обогнав груженный сеном «газон», доктор Юра озабоченно замолчал и вдруг улыбнулся:

– А ты вот что... Перебирайся-ка со своей супругой ко мне. Ну, на пару недель, а хочешь – так и до конца лета жи-

вите. Ну, или до конца вашего отпуска. Места у нас чудесные, опять же – фрукты. А воздух какой?

Чувствуешь, какой воздух? Да такой воздух только ложками есть! Нет, в самом деле, я серьезно! У меня дом при ФАПе, выделю вам роскошную комнату, пару коек вместе составим, уж чего-чего, а этого добра от старой больницы в избытке. Денег с вас не возьму – живите! Кормиться с огорода можете, да и так... уж хлеб с молоком всегда есть, да и мясо, бывает, принесут – я же все ж таки доктор.

Если честно, то именно ради этого Родион и завел разговор, даже не думая, что вот так повезет. Что называется, угадал с первого раза! Но, конечно же, вид сделал, что думает, голову почесал, изрек глубокомысленно:

– Даже не знаю. Как жена...

– Так с ней переговори и – милости прошу. ФАП вам в станице всякий покажет.

– М-м-м... мы, может, и вечером уже заявимся.

– Да хоть ночью! Буду только рад. Живу я одиноко, холостяком, да считай, целый день на работе, так что меня вы никак не стесните. Короче, Родион – не раздумывай даже.

Тормознув на повороте, доктор Юра высадил пассажира и, газанув, запыллил по проселку к станице. Туда же, куда свернул и быстро обогнавший «четверку» джип, тот самый черный «Лэнд Круизер».

Разувшись и свесив ноги, Хильда спала сладким сном

на переднем сиденье «Победы». Видать, разморило девку. Немного подумав, Рад нарвал рядом, в траве, букет из васильков, колокольчиков да ромашек и, положив цветы на сиденье, пощекотал супружнице пятки.

– Эй, спящая красавица, проснись.

– Ум-м... – Хильда потянулась, красивая до невозможности, фея из снов. Распахнула голубые очи. – Ай, Что ты меня щекочешь?

– Вставай, милая, в селенье поедем. Я тут с одним хорошим человеком познакомился – у него пока и поживем... Черт! Аккумулятор-то... С толкача тут и не заведешь. Ладно, уж придется пешком, да тут и недалеко, километра четыре с гаком.

Оправив тунику, Хильда уселась на сиденье:

– А что за человек-то? Князь?

– Лекарь.

– А, навий, волхв! Такой же, наверное, выжига, как и недоброй памяти Влекумер?

– Что ты, милая, куда как лучше!

Супруги явились в станицу под вечер. А куда еще было идти, не оставаться же в туристском лагере – неведомо откуда неведомо кто. Родионом-то уж никак невозможно было назваться. Рад даже головой покачал на ходу, как только такое подумал. Прикинуться самим собой! Во, дожил...

ФАП отыскиали быстро – новое, обитое серым сайдингом здание с обширным двором и садом, а возле него – вытя-

нутый, барачного типа, дом, вполне с виду добротный, вот только удобства, конечно, на улице – в украшенной резным узорочьем дощатой будке.

– Эй, вы к кому это? – увидав странно одетых незнакомых людей, выбежала с крыльца ФАПа дебелая бабка со шваброй наперевес.

Нянечка или уборщица... скорее, второе – стационара-то тут давно нет.

– Мы к доктору. – Радомир натянул на лицо самую приветливую улыбку.

– А доктор дома уже, отдыхает! Завтра на прием приходите. Вот и ходю, и ходю, и шлюются – отдохнуть человеку не дадут!

– А мы не на прим, бабуля, мы в гости. Юрий нас сам позвал.

– Глафира Федоровна, это ко мне! – распахнув окно барака, громко закричал доктор. – Проходите... Вы что пешком-то? Ты ж говорил, «Победа» у вас.

– Да аккумулятор подсел, а зарядить негде... Разве что завтра с тобой съездить?

– Так съездим, чего тут ехать-то? Да вы проходите, не стойте. Я как раз ужинать собирался. Вон, у крыльца ручной мойник... Полотенце чистое я сейчас принесу.

Врач не обманул – выделил гостям большую и светлую комнату с другой стороны барака, даже с отдельным входом и почти новыми обоями в мелкий цветочек. Койки Родион с

доктором принесли со склада, там же взяли и матрасы с подушками и даже разжились бельишком. И пусть все вышеназванное имело сильный больнично-сиротский запах, супруги заснули сразу, едва поужинав и поблагодарив хлебосольного хозяина.

– Приятных снов! – пожелал тот. – Я тут телевизор тихонечко включу или музыку... Ничего? Не помешаю?

– Да ладно тебе, нашел приверед! Так вот, под Высоцкого, и уснули:

Я коней напою,
Я куплет допою, —
Хоть немного еще постою на краю!..

Утром проснулись от бьющего прямо в глаза солнца. Было уже часов десять или даже более того, и сквозь оконное стекло радостно синело небо. Росшие рядом с домом клеены шумели, создавая приятную тень, и Родион неожиданно улыбнулся, подумав, а не протянуть ли сквозь открытую форточку руку – сорвать носики-семена, да приклеить на нос спящей супруге. Интересно, проснется ли? Ишь, как сладко спит! Нет, пожалуй, лучше и не будить – пусть и дальше подушку плющит.

Встав, молодой человек подошел к окну, потянулся, потом прошелся по комнате, прочитав лежащую на столе записку.

«Чайник на кухне, яйца – в холодильнике.
Хозяйствуйте.
Юрий».

Что ж, хозяйствовать, так хозяйствовать!

Поставив на газовую плиту чайник, Родион достал из холодильника масло и колбасу, сделал себе бутерброд и взял лежащую на буфете книжку – полюбопытствовать:

«...увеличивается число крыс в населенных пунктах. Их заражение чумой от сусликов ведет к возникновению вторичных очагов и вследствие этого к вспышкам бубонной чумы. По мере похолодания снижается индекс блох на крысах и заболеваемость чумой населения».

Тьфу ты!

Рад закашлялся, едва не подавившись бутербродом. Ну, конечно – что еще может читать за завтраком сельский врач, тем более – инфекционист по специализации?

В коридоре вдруг послышались осторожные шаги, и на кухню заглянул хозяин. Увидев поднявшегося гостя, улыбнулся:

– Встали уже? А я вам одежду кой-какую принес. Не ходить же в концертных костюмах. Вот... не побрезгуйте. – С этими словами доктор поставил на табурет объемистый черный пакет.

– Вот спасибо! – искренне обрадовался Радик. – Нет, честное слово, просто не знаю, как и благодарить.

– Ну, что уж, – врач заметно сконфузился и принялся протирать очки.

Старые, застиранные до белизны, но еще вполне крепкие джинсы пришлись гостю впору, как и кроссовки, ну, а о безрукавке и говорить нечего. Точно такая же безрукавка и застиранные джинсики с дырками на коленках предназначались и для Хильды – Лидочки, как представил ее Родион.

– Пойду снесу, пусть примерит.

– Ну да, конечно, конечно. Уж не побрезгуйте...

– Ничего! Еще поносим, – обернувшись на пороге, молодой человек посмотрел на врача. – Слышь, Юра. У тебя там с подвеской беда. Я гляну... яма-то есть поблизости?

– Тут недалеко, я покажу, – еще больше сконфузился доктор. – Право же, неудобно, вы ж отдыхать приехали.

– И трамблер новый надо бы купить, поставить, – не обращая никакого внимания на его слова, напомнил Рад. – Ты говорил, тут автомагазин имеется?

– Да есть, – Юрий махнул рукой, – К вечеру ближе заедем, а сейчас у меня прием начинается, уж извини. Отдыхайте пока, покупайте. Можете к речке сходить. Да! Я вам деньги оставлю – хлеба в продмаге купите, а то вечером, боюсь, его и не будет уже. Народу сейчас полно – лето. Приезжие, дачники, опять же – ваши туристы.

– Хорошо, хорошо, купим.

Наскоро почаяевичав, гостеприимный хозяин убежал в ФАП, Родион же отправился в свою комнату – пора было бу-

дить супругу. Впрочем, та уже проснулась и просто лежала, заложив за голову руки. Увидев мужа, прищурилась, заулыбалась:

– Ах, милый, и где ты пропадаешь?

Усевшись на койку, Родион чмокнул жену в щеку и протянул одежку:

– На-ко, одень.

– Что это? – удивленно-брезгливо хлопнула глазами кра-савица. – Порты какие-то.

– Ишь ты, порты. Одевай, одевай!

– Да они же рваные! Это что же я – нищая, в рубище-то ходить? А мое-то платье чем плохо?

– Тем, что здесь так не ходят, – негромко пояснил молодой человек. – А нам с тобой, милая, лучше пока не выделяться.

Хильда послушно кивнула:

– Так бы сразу и сказал.

– А от дырок мы сейчас, родная, избавимся, не переживай!

Схватив висевшие на вбитом в стенку гвозде ножницы, Родион не долго думая превратил джинсы в шорты:

– Вот! Теперь одевай!

– Ой... – девушка явно сконфузилась. – А здесь, правда, все так ходят?

– Все, все, можешь даже не сомневаться, – искренне заверил молодой человек. – Одевайся, да поедим. Да – уборная тут во дворе, за углом.

– Я знаю.

Хильда быстро оделась, и Рад, поглядев на нее, едва сдержал усмешку – в шортах и светло-желтой майке его милая женушка и вовсе не походила на знатную женщину. Обычная девчонка-дачница.

Вот только с обувью для нее было худо, точнее говоря – вообще никак. Что ж, можно пока и босиком походить – лето.

– Босиком, так босиком, – покладисто согласилась Хильда. – Все равно уж почти нагою хожу. Нет, тут, правда, все так? Помнится, в прошлый раз...

– В окно-то глянь, – Родион махнул рукой – мимо ФАПа как раз проходили девчонки лет по шестнадцати, длинноволосые, в коротких – по самое некуда – юбках и топиках.

– Ой... а тут и вообще голые! – готская красавица неодобрительно покачала головой. – Этак налетит ктонибудь, утащит.

– А может, они того и хотят?

– Эти-то? – Хильда рассмеялась. – Судя по виду – может!

Быстро позавтракав, молодые люди, исполняя наказ хозяина, доктора Юры, отправились в местный продмаг, что располагался не так уж и далеко, примерно в полкилометре. Честно говоря, Рад прогулялся бы и один, да супружница упросила взять с собой и ее – мол, скучно сидеть в одиночестве. Действительно – скучно.

У магазина уже толпилась очередь – человек двадцать:

женщины, дети, кто с пластиковым пакетом, кто-то с кошелками, а кое-кто – и с рюкзаком.

– Михаловна, ты что же этаку котомку-то принесла?

– Так по хлеб.

– Вижу, что по хлеб. Другим-то и не достанется – все ведь укупишь!

– Та я немножко.

– Знаем мы твое «немножко»... Машину-то разгрузили уже?

– Та ни... Вон, кажись, едет.

Очередь, как по команде, замолкла. Все повернули головы и вытянули шеи, провожая крайне заинтересованными взглядами подъехавший к магазину голубой фургончик с надписью «ХЛЕБ».

Припарковав грузовик у крыльца, из кабины выпрыгнул молодой парень в красной баскетке и спортивных штанах с белыми лампасами – водитель и по совместительству – грузчик. Парень был явно местный, почти всем в очереди знакомый.

– Василий, батоны привез?

– Привез, привез.

– А сухари?

– Ты еще про сушки спроси, баба Маша! Что, зубы, что ли, выросли?

Стоявшая в очереди с большим рюкзаком седенькая старушка – баба Маша – отнюдь не обиделась, засмеялась даже.

Дождаясь окончания разгрузки, в очереди деятельно обсуждали последние станичные новости – сводили сплетни. Радомир к этим разговорам не прислушивался – думал о бежевой своей «Победе». О том, что хорошо бы ее, конечно, из болотины вытащить да какнибудь легализовать. А что? Машина, считай, почти новая... Только вот документы... Нет, вряд ли что с ней получится. А, с другой стороны, так вот, на болоте, бросать – жалко. Разберут! Рано или поздно – разберут, уж найдется, кому. Всякие там бомжи, мальчишки да и местные «справные хозяева» – куркули. Колеса – уж точно снимут, да и сиденья – два дивана, для дачи или там, летней кухни – в самый раз будет.

Водитель наконец разгрузился, упитанная – кровь с молоком – продавщица в грязно-голубом халате, не спеша, распиывалась в накладных, вызывая законное томление очереди. Некоторые особо нетерпеливые даже ее подгоняли, не стеснялись:

– Ты б побыстрей, Вера. Народ-то ждет!

– Подождет, – продавщица даже ухом не повела, огрызнулась. – Вас много, а я одна.

– Так ить это, Вера... автобус-то ждать не будеть.

– На вечернем уедете.

– Ишь! Не вечернем! А что тут до вечера делать-то?

Забрав бумаги, водитель забрался в кабину и запустил двигатель. Фургон, скрежетнув передачкой, отъехал, запыллил по улице. Сквозь распахнутую настежь дверь очередь

ломанулась в продмаг, оглашая окрестности веселыми воплями.

– Ай, баба Маша, на ногу-то не наступай!

– Ой, рука, рука, бабоньки-и-и-и!

– По ногам-то, как по асфальту!

– Уй-уй-уй...

– Да кто там визжит-то, как порося?!

– Михаловне руку прищемили!

– Да дверь-то пошире откройте, откройте дверь-то!

– Ну, ё-мое!

– По три буханки в руки! – уперев руки в бока, важно предупредила продавщица. – Больше и не просите – не дам, а то опять жаловаться будете – не хватило!

– Да как же по три-то, Вера? – заволновалась очередь. – Как же по три-то? Это ж на два дня не хватит.

– Сказано – по три! А кому не нравится – в райцентр пушай ездит!

– Вера, ты тут одна, что ль, сегодня торгуешь?

– Сейчас Ленка в складе управится... Ленка! – обернувшись, утробным голосом позвала продавщица. – Да где ж ты, бисова душа! Скорее давай, на вторую кассу садись.

– Иду, иду, тетя Вера.

За прилавком показалась юная особа с крашеной желтой челкой и пунцовыми до невозможности губами а-ля «чрево Парижа». Усевшись за кассу, особа – по всей видимости, это и была та самая Ленка, которую позвали со склада, – мину-

ты две прихорашивалась, взяв в руки круглое зеркало, после чего вальяжно махнула рукой:

– Подходите.

Духота в маленьком зале продмага стояла страшная, со всех – и с продавцов, и с покупателей – валил градом пот. Родион даже порадовался – хорошо хоть, хватило ума оставить Хильду на улице – пускай лучше там дожидается. А ведь недолго и ждать – перед Радом стояло всего-то пятеро.

Первые двое – белобрысая девчушка лет десяти и художничек-подросток в широких, с многочисленными карманами, шортах – очередь долго не задержали, купили хлеба да пепси-колы – только их в магазине и видели. Родион было обрадовался... да рано. Стоявшая за подростком старушка в цветастом платье явно никуда не спешила.

– Как дела-то, Ленушка? Гости-то уехали ли?

– Уехали. Чего тебе, баба Маша?

– Так ведь хлеба... три буханочки мне. И конфет... Какие помягче-то?

– Да вон, смотри...

– Вот эти, синенькие... они с черным внутри али с белым?

– Не знаю, баба Маша, не пробовала.

– А мягкие? Ладно, сто граммов мне взвесь... И вон тех, желтеньких, столько же. Ай, дрожжей не забудь – есть у вас дрожжи-то?

– С тебя, баба Маша, двести тридцать пять рублей сорок восемь копеек.

– Двести? Ай, ай...

– Давай, баба Маша, скорей, не задерживай очередь.

– Посейчас, посе́йчас, заплачу.

Стоявшая сразу перед Родионом интеллигентная с виду женщина, судя по одежде и причёске – блузка, юбка, «химия в мелкий бес» – учительница, взяв две буханки, пристально взгляделась в стоявшие на полках бутылки.

– Мне бы хорошего вина. Лучше бы нашего, южного.

– Нет нашего! Все – иностранное.

– Да как же! А вон на той бутылке, кажется, написано – «Кубанское»?

– Женщина! Вы ж про российское вино спрашивали!

– Ну да. Вот я и говорю – кубанское.

– Ну, вы даете. Это ж – с Кубы!

Стоявший в очереди народ весело засмеялся, причем – явно не над слабо разбирающейся в географии продавщицей.

Все-таки купив бутылку кубинского кубанского, интеллигентная женщина принялась протискиваться к выходу, уступив Раду место у кассы. Взяв, как и было наказано, хлеб, молодой человек выбрался на крыльцо, полной грудью вдохнув свежий – пусть даже и жаркий – воздух, улыбнулся, поискав глазами Хильду... и вздрогнул, столкнувшись взглядом с худенькой, но крепкой, блондинкой лет тридцати. Катериной Олеговной, старой своей знакомой...

Женщина, похоже, его тоже узнала и, хлопнув ресницами,

воскликнула:

– Ой!

Глава 2

Лето. Южная лесостепь

Станичники

Катерина Олеговна! Учительница, не так уж и давно – во время вот этого слета, кстати, имевшая с бывшим учеником – Родионом – любовную связь. Неужели узнала? Да нет, вряд ли – Радомир находился в прошлом два года с лишним и за это время сильно изменился – раздался в плечах, заматерел. Не мальчик уже, но – муж! Князь, между прочим. А был-то – простой шофер...

Да и в лицо его сейчас не узнать – длинные, до плеч, волосы, борода, усы. Бояться нечего! Тем более, Катерина Олеговна спокойно прошла в магазин.

Пожав плечами, Рад спустился с крыльца, поискав глазами Хильду. Все же он почему-то испытывал сейчас некоторую досаду – ну, надо же – не узнала! А ведь могла бы, если бы...

– Молодой человек!

Родион резко обернулся – пригладив волосы, Катерина Олеговна сбежала вслед за ним по ступенькам. Неужели узнала все-таки?

– Вы... вы случайно не к родственнику приехали? Есть у нас такой Радик Миронов.

– Нет, не к родственнику, – поспешно покачал головой князь. – С чего вы взяли?

– Да просто... – женщина заметно смутилась. – Вы... вы так на одного человека похожи! Буквально одно лицо... вот, подстричься и бороду сбрить... Господи!

– Не надо меня брить, – опустил глаза, ухмыльнулся Радик. – И имя Господне всуе употреблять не след.

– Извините, – Катерина Олеговна облизала губы и вздохнула. – Тот человек, с которым я вас спутала, в больнице сейчас, с переломом.

– Сочувствую.

– И, знаете, вроде бы уже выздоравливал, да вдруг – на тебе, воспалительный процесс пошел! Врачи боятся – как бы не гангрена, в реанимацию перевели, вот я и подумала – вдруг вы нашему Радiku родственник? Навестить, поддержать приехали... Увы! – женщина поникла плечами и медленно повернулась к открытой двери продмага, возле которой все так же суетилась очередь, до которой, судя по всему, Катерине Олеговне не было сейчас никакого дела. Слишком уж переживала – это было видно.

Родион стиснул зубы – ишь, как не повезло его... его... аватару, что ли? Или – брату? Ну, надо же – гангрена! После перелома? С чего? Неужели, перелом-то открытый был да занесли какую-нибудь заразу? Жаль, жаль...

Радомир вовсе не желал аватару ничего плохого, все же собираясь жить с ним параллельно, нигде специально не пе-

ресекаясь. Трудно, конечно, придется без старых друзей, но коли уж на то пошло – со временем появятся новые. Тем более – Хильда сейчас с ним. Хильда... Кстати, где она?

Молодой человек поискал глазами супругу... И не нашел. Не было ее ни под березкою, ни вообще где-то рядом... Может, в сквер возле здания станичной администрации пошла? Во-он, сквер-то, недалече... и народу там толпится порядочно. Представление, что ли, какое? Или случилось что?

Рад поспешно зашагал к скверу, уже понимая, что случилось нечто плохое, и лишь надеялся, что не с Хильдой.

– Доктора, доктора вызывайте, – подходя, услышал молодой человек.

– Да позвонили уже Юрию Всеволодычу... Сказал – сейчас приедет.

Родион быстро схватил за локоть пробежавшего мимо парня:

– Эй, пацан. Что тут случилось-то?

– Девчонке какой-то плохо стало. Наверное, солнцем голову напекло. Бывает.

– Что-о?

– Во-он она на скамейке лежит... в драных шортах.

Расталкивая плечом столпившийся любопытный народ, молодой человек пробился к скамейке и ахнул:

– Хильда! Родная...

Глянул на бледную, лежавшую с закрытыми глазами, жену... и тут же ощутил удар!словно бы кто-то треснул обухом

по затылку. В глазах потемнело, и ноги вдруг стали ватными, так, что и не удержишься, не устоишь. Молодой человек и не устоял – потеряв сознание, повалился прямо на разбитую рядом клумбу.

Жрец Влекумер, худой, узкобородый, с крючковатым носом, хищно осклабясь и подпрыгивая, изо всех сил колотил в бубен. На шее его билось, словно живое, ожерелье из высушенных змеиных голов, руки покраснели от крови только что принесенного в жертву козла, голова которого красовалась здесь же – у корней старого дуба. И там же, рядом с мертвой козлиной головой, вытянувшись, недвижно лежала Хильда. Бледная, как сама смерть, в длинной белой тунике... словно в саване.

– Чур, меня, чур! – прыгая, потрясал бубном навий. Грязные космы его, растрепавшись, бились за спиной, подобно крыльям падалыщика грифа.

– Чур, меня, чур! О Сварог, Сварог венценосный! О Мокошь – мать сыра земля. Прими к себе всех, прими, прими!

Рад вздрогнул, внезапно увидев рядом с Хильдой... себя самого... даже двух! И оба лежали мертвее мертвого. Один – с бородкой и длинными волосами, в роскошной тунике, с мечом на богато украшенной перевязи – князь! Другой – совсем еще юноша с укутанной гипсом ногой.

Во, дела-то! И смешно, и страшно. Как в старом фильме

получается – «чем больше сдадим, тем лучше».

– Смерть! Сме-е-ерть! – изогнувшись, вдруг взвыл Влекумер, отбросил бубен, обернулся к Раду... не к лежащему, нет... к тому – кто стоял, кто подошел только что.

Змеиные головы на жилистой шее жреца затрещали, ударившись друг о друга.

– Мать сыра земля, Мокошь, ждет вас! – погрозив пальцем, спокойно, без всякого надрыва, произнес навий. – Скоро вы все умрете, все.

Сказал словно бы между прочим. Так вот, предупредил и все. И повернулся, ушел, вновь запрыгал у дуба.

Правда, чуть погодя, обернулся, видно решил пояснить кое-что. Промолвил вот так же просто, совершенно без эмоций, как если бы ставил диагноз опытный врач:

– Все умрете. И ты, Радомир-княже, и жена твоя готка... И тот, кем ты раньше был.

Сказал – и исчез, растворился в воздухе. А те трое – Радомир, Родион, Хильда – так и остались лежать у могучих корней... И почва под ними вдруг разверзлась, и потянулась к телам огромная когтепалая лапа. Мокошь! Мать сыра земля.

– А-а-а!!! – проснувшись в холодном поту, Рад уселся на койке, безумно вращая глазами... Ничего вокруг не было – ни дуба, ни мертвых тел, ни лапы.

Рядом, на койке, лежала Хильда, которая, впрочем, вовсе

не выглядела сейчас так плохо, как недавно в сквере... или, упаси Боже, под дубом. Просто спала.

А рядом, на стуле, кто-то сидел... Доктор!

– Ну, слава богу, очнулся, – с облегчением произнес Юрий. – Как это вас обоих-то угораздило? Вот что значит – с северов да сразу на юг. Не всякий организм выдержит.

Родион помотал головой:

– А что с нами было-то? Солнечный удар?

– Тепловой, – протянув руку, доктор заботливо поправил под Хильдой подушку. – Ничего особенно-то страшного нет. Укольчики вам сделал – поправитесь. Только вот завтра на солнце не выходите. Тут посидите, в теньке, телевизор у меня посмотрите, хорошая передача будет – про Высоцкого. Жаль, не посмотрю – снова в райцентр надо, лекарства для ФАПа выбивать.

– На «четвере» своей поедешь? – наконец пришел в себя Рад. – Я бы не советовал.

– Ха, на «четвере»! Я свой автомобиль сегодня завести не смог...

– Я ж сказал – трамблер менять надо. Да и карбюратор бы глянуть неплохо. Ты мне ключи-то завтра оставь.

– Нет! Завтра – только отдыхать.

Поправив очки, доктор взглянул на гостя с такой неожиданной строгостью, суровостью даже, с какой опера или следователи обычно смотрят на лиц, подозреваемых в совершении тяжкого преступления.

На Родиона, впрочем, взгляд этот впечатления не произвел абсолютно. Вот у Аттилы – у того взгляд! Даже у жреца Влекумера. Как сверкнет глазами, как завопит – чур, меня, чур! Как поκληчет мать сыру землю – Мокошь.

– Так, значит, в райцентр завтра...

– С волости УАЗик пойдет – и я с ними. Родион покачал головой:

– А что же – вас лекарствами-то не снабжают?

– Почему же? Снабжают. Только сам знаешь, как. Целую зиму вон, арбидол пропихивали. А на что он, дорогуший такой? Люди-то у нас небогатые. Мне бы парацетамолу в ФАП, обезболивающего...

– Так ты нас на руках, что ли, сюда тащил?

– Почему на руках? – доктор неожиданно улыбнулся. – Пришлось попутку поймать... «Тойоту – Лэнд Круизер».

– Х-ха! – удивленно воскликнул Родион. – Это бандитский внедорожник, что ли?

– Да уж, какая попалась. Спасибо, не отказали, я ж главного бандита – администрации нашей главы – тещу от ларингита лечил. Да и Димка, сын его, в принципе, неплохой парнишка. В медицинский вроде бы в перспективе поступать намерен. Вот только – отпустит ли туда папаня? Засунет, скорей всего, на какойнибудь факультет управления.

– Уважает, значит, тебя власть-то?

– А то! Ладно, – Юрий поднялся со стула. – Не буду вам мешать, спите. И завтра утром со двора – ни ногой!

Пожелав гостям спокойной ночи, врач вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. Честно говоря, Рад чувствовал себя довольно хреново – все еще кружилась голова, да и слабость какая-то нехорошая ощущалась во всем теле. А потому молодой человек, попив заботливо принесенного доктором Юрой соку, вновь растянулся на койке рядом с женой.

Тепловой удар. Ну, надо же! А вроде не очень-то и жарко было.

– Ты здесь, милый? – Хильда открыла глаза.

– Здесь, родная моя, здесь. Не спишь, что ли?

– Давно уже не сплю. Боюсь! Такой жуткий сон снился! – приподнявшись, красавица прижалась к мужу и, хлопнув ресницами, прошептала: – Знаешь, мне Влекумер-навий привиделся. И мы с тобой... возле старого дуба.

Молодой человек непроизвольно дернулся:

– Та-ак! Только одни мы?

– Еще парубок какой-то. С белой ногой. Хороший такой парубок, на тебя похож чем-то.

– Та-ак...

Родион не знал, что и думать. С чего б это им с Хильдой одинаковый сон приснился? Нехороший сон, нехороший – «Все умрете, все!». Жуть! И этот еще... Родионаватар... в реанимации. Гангрена. Это от перелома-то? Если у него вообще перелом был, может – просто сильный вывих. Шел, упал, очнулся – гипс.

Странно это все, очень странно.

– Слышь, милая, а давай, завтра в церковь местную сходим. Я видел, тут, на холме, есть. Неблизко, правда, но и не очень-то далеко. С утра – пока не жарко – пойдем... Эй, эй, родная. Ты спишь уже? Спит...

Осторожно укрыв жену простынею, молодой человек растянулся рядом и неожиданно для себя тут же уснул, словно бы провалился в глубокую черную яму. Спал крепко и на этот раз, слава богу, без всяких сновидений, лежащих вокруг старого дуба тел, прыгающего жреца и всего такого прочего.

Утром снова сияло солнце. Оно врывалось в окно, по-хозяйски усаживаясь на столе, отражаясь в принесенном доктором Юрой графине, нахально лезло Раду в глаза и с ухмылкой щекотало спящей красавице пятки. Вот, отразившись в старом, висевшем на стене, зеркале, принялось будить гостей уже с удвоенной силой, веселилось, словно бы кричало: подъем, подъем, подъем!

Супруги распахнули глаза разом. Посмотрели друг на друга и дружно – в голос – расхохотались.

– Смотрю, встали уже, – доктор Юра заглянул со двора в распахнутое настежь окно, прикрытое от комаров да мух марлей. – Ну, я в райцентр. Чайник на плите, колбаса в холодильнике... Да что я говорю – и так все знаете. Как спалось, кстати?

– Как в яме, – честно признался Рад. – Темно, глухо и безо всяких снов.

Врач хохотнул:

– Ну, еще бы – успокоительного-то я вам вчера вкатил с избытком. Ладно, поехал, машина ждет уже. Завтра выходной – борщ наварим... или ботвинью сладим – посмотрим.

– Лучше ботвинью... Слышь, Юра, ты ключи-то оставь все-таки. Я бы тут, во дворе, в тенечке, и повозился бы в свое удовольствие. Ну, не могу без всякого дела сидеть – тошно!

– Понимаю – сам такой. Коль уж так хочешь – ключи в столе, в ящике. Только ты это... без фанатизма, ладно?

– Договорились!

Вскочив с койки, Родион вышел во двор, почистил зубы, умылся и зашел в комнату доктора – забрать от машины ключи. На письменном столе, возле раскрытого ноутбука, лежала набитая закладками книжка с простым и без всяких коммерчески выверенных изысков названием – «Чума».

Молодой человек едва не сплюнул – нет, чтоб, скажем, Шукшина или Чехова почитать, или хоть тех же разрекламированных донельзя Коэльо, Мураками, Брауна. Впрочем, вместо последних, наверное, все же лучше – «Чуму».

Родион машинально пролистнул книгу. Приятное, между прочим, чтиво, особенно – названия глав. Простые и ясные – «Происхождение чумного микроба и возникновение его подвидов», «Роль сусликов в поддержании природной очаговости чумы»... или вот, совсем хорошо – «Взаимоотношения кровососущих членистоногих переносчиков и возбудителей бактериальных инфекций теплокровных животных». Все ясно, конкретно, понятно – не какой-нибудь там жен-

ский «ероничско-любовный детектив» под названием «Огненный зов вагины».

Взяв ключи, Рад, опасаясь разбудить женушку, пока не стал запускать двигатель, а просто внимательно осмотрел подвеску и кузов – благо, машина стояла в тенечке, под развесистым платаном. Выделил для себя требующие неотложного ремонта места, каковых, к удивлению молодого человека, отыскалось не так уж и много – задний левый «солдат» приварить покрепче да подтянуть рулевое, вот, в принципе, и все. Всякие там брызговикибампера-сальники Рад за ремонт не считал.

– Ого! – вышла на крыльцо томная спросонья Хильда. – Решил самобеглую коляску сделать?

– Да уж хозяину нашему помогу.

– Уж помоги, коль сможешь, человек он добрый, – подойдя ближе, женушка чмокнула мужа в щеку и тут же пожаловалась: – Знаешь, а мне опять Влекумер-навий привиделся.

Ключ на тринадцать, выскользнув из руки Родиона, со звоном упал наземь.

– Навий приснился? Опять?

– Ну, вот под утро уже, – пояснила Хильда. – Вначале темно все перед глазами было, а потом... Влекумер словно бы разогнал морок, руками так поводил, да опять про смерть начал. Мол, все трое умрем очень скоро. И почему – трое? Может, того парня вспомнил? И еще сказал – мол, ждут нас. Черная смерть кругом, мор страшный... и будто бы только

мы с тобой это поветрие остановить можем!

– Мор, говоришь? – молодой человек сплюнул, вспомнив Юрину книжку.

Чума, наверное, что еще там у них быть-то может? Аттилу ведь именно чума из Европы выгнала, а вовсе не душещипательная беседа с папой римским Львом. Ну да, с гуннами, гепидами, готами чума в Восточную Европу и пришла... Непонятно только, какое отношение к эпидемии имели Радомир и Хильда? «Врачи без границ» они, что ли?

– Милая, ты мне нужна будешь... Кое-что подержать, на газ понажимать иногда.

– На что понажимать?

– Вон, на ту педальку. Ну, давай-давай, умывайся... Да, там на кухне продукты...

– Я приготовлю, уж посмотрю, чего есть.

– Постой, я тебе плиту включу... растоплю...

– Видела я, как ее разжечь. Слажу.

Сладит она... баллон бы газовый не взорвала, чудо. Сполоснув лицо, Хильда скрылась на веранде, слышно было, как чиркнула спичка... другая...

– Как там, милая?

– Все. Разожгла. Что я, совсем уж безрукая, что ли?

Ну, слава те... Пусть хоть приготовит чего-нибудь, все – при деле. А то ведь опять этот чертов жрец Влекумер привидится, не к ночи будь помянут.

Откуда взялся джип, Родион не заметил – увлеченно во-

зился с машиной. Просто обернулся, услышав за спиной голоса, и уж тогда увидел и по-хозяйски въехавший во двор внедорожник – тот самый черный «ЛэндКрузер», и выбравшихся из него молодых людей, крепеньких, коротко стриженных, с одинаковыми, отнюдь не обезображенными и намеком на интеллект лицами. Столь карикатурно выглядевшие, словно бы вынырнувшие из начала «лихих» девяностых, «братки» – или все же лучше именовать их «быками» – сохранились как вид лишь в глухой провинции. В больших городах сия, когда-то довольно немаленькая, популяция давно уже вымерла либо окультурилась, обзаведясь вузовскими дипломами, не всегда, кстати, и купленными. А чего ж? В девяностые «бык» это не призвание было – профессия, хватало там и умных, вполне. Однако вот эти двое к таковым, похоже, не относились.

– Слышь, мужик, а Всеволодыч где?

Это вот вместо того, чтобы поздороваться, пожелать доброго дня.

– В город уехал, – пожал плечами Рад. – К вечеру, думаю, будет. Может, что ему передать?

«Бычата» переглянулись.

– Да ему-то ничего не надо. Просто Димыч, пахана наше...

– Виталия Аркадьевича сын, – поспешно перебил напарника один из быков, тот, что, верно, все же был поумнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.